

Персонаж Фан Дунсуя, Пин Чжу, был старшим учеником главы Врат Цзянхун. Но, несмотря на высокое положение, он с детства не отличался выдающимся боевым мастерством, способным заставить соучеников считаться с ним. Насмешки и издевательства закалили его характер, сделав замкнутым и высокомерным. Именно тогда судьба свела его с Чжоу Я.

Чжоу Я, сирота, которого подобрал странствующий старейшина, рос бездомным бродягой с непредсказуемым нравом. При первой встрече Чжоу Я пришлась по душе молчаливость нового знакомого, а Пин Чжу оценил его открытость — так они и сдружились. Позже, когда Пин Чжу в очередной раз донимали ученики, Чжоу Я заступился за него, окончательно скрепив их дружбу.

Шли годы. Благодаря упорным тренировкам и наставничеству друга Пин Чжу наконец постиг суть боевых искусств. Соученики перестали видеть в издевательствах над ним смысл жизни; теперь они его побаивались и держались на расстоянии, что вполне устраивало юношу. А вот Чжоу Я становился всё более неукротимым. Опираясь на свою невероятную силу, он ни во что не ставил авторитеты. В пятнадцать лет он небрежно бросил: «Ухожу бродяжничать по миру!» — и покинул школу.

Прошло шесть лет.

За это время Чжоу Я повидал немало грязи. Он вернулся раздражительным, со странностями в поведении и доведённой до совершенства привычкой мстить за малейшую обиду. Он решал проблемы кулаками, действуя жестоко и беспощадно. Пин Чжу же к этому моменту окреп и телом, и духом, став одним из лучших бойцов школы. Старейшины и глава души в нём не чаяли, и никто больше не смел смотреть на него свысока.

Образ Пин Чжу нравился Дунсую всё больше. Резкий контраст в характере персонажа и его внутренний рост обещали сделать роль запоминающейся. Это не был плоский шаблонный герой: в каждой сцене с него словно срывали старые ярлыки, открывая что-то новое. Экранного времени у него было немного, но глубина проработки позволяла ему стоять наравне с главными героями.

— Сыграешь хорошо — проснёшься знаменитым, — подбодрил его стилист Аня, заканчивая накладывать грим.

Покинув гримёрную, Дунсуй поспешил на съёмочную площадку.

Техники уже раскатали рельсы для камер. Режиссёр, оператор-постановщик, осветители и бригадир площадки бурно обсуждали углы падения света.

Пока актёры массовки только подтягивались, Фан Дунсуй воспользовался моментом, чтобы привыкнуть к кадру. Он прошёлся по точкам фокусировки камер, мысленно проигрывая сцену.

Вскоре появился Е Ван в полном облачении. Обменявшись парой слов с режиссёром, он

направился прямо к Дунсую.

Дунсуй с трудом удержал лицо. Вспомнив вчерашнюю неловкость, он почувствовал, как к горлу подступает паника. Столкнуться лицом к лицу было невыносимо, но и бежать глупо. Поддавшись импульсу, он сделал несколько шагов в сторону и завязал натянутый разговор с массовой, делая вид, будто безумно увлечён беседой.

Столь явный побег не укрылся от Е Вана. Он замер, на мгновение растерявшись. Помедлив с полминуты, он развернулся и ушёл.

Закончив обсуждение, режиссёр через рупор скомандовал массовой занять позиции, а затем лично прогнал сцену с Е Ваном и Дунсуй. Е Ван работал безупречно. Стоило ему встать перед камерой, как он мгновенно преобразился в Чжоу Я. Его безупречные черты лица так и лучились высокомерием. Облегающий дорожный костюм подчёркивал статную фигуру, приподнятые брови и едва заметная усмешка на тонких губах выдавали натуру дерзкую, опасную и полную порочного обаяния.

— Камера! Мотор! — раздался голос режиссёра, прильнувшего к мониторам.

Сегодня снимали сцену воссоединения Чжоу Я и Пин Чжу. Прошло шесть лет. Когда они расставались, оба были зелёными юнцами, а теперь едва могли узнать друг друга.

В отличие от опытного партнёра, Дунсуй заметно нервничал. Он слишком заикливался на траектории движения, а мысли о вчерашней личной драме то и дело отвлекали его от процесса. На площадке работало сразу несколько камер, и требовалось не просто играть, а чётко держать ракурс, не теряя связи с объективами. Здесь отсутствие профессионального опыта у Дунсуя дало о себе знать — он то и дело допускал мелкие промахи.

Эта сцена должна была показать, как изменился характер Чжоу Я за шесть лет странствий. Другие ученики, приняв наглого пришельца за бродягу, начинают задира́ть его. Чжоу Я теряет терпение, завязывается потасовка, и ученики мгновенно оказываются повержены. В этот момент на сцене появляется холодный, высокомерный Пин Чжу. В нежно-сиреневом халате, выгодно подчёркивающем его тонкую талию, он вырос перед поверженными соучениками подобно одинокому бамбуку, источая ледяное благородство.

Гримёры слегка скорректировали черты лица Дунсуя, убрав излишнюю нежность и добавив взгляду гордости, не гнушейся перед людской молвой.

Увидев его, Чжоу Я произносит первую фразу:

— И откуда же у нас взялся такой нежный да белокожий младший брат?

Пин Чжу, не меняясь в лице, хладнокровно обнажает меч.

В ходе боя Чжоу Я узнаёт приёмы, которым сам учил Пин Чжу в детстве. Охваченный внезапной радостью, он перехватывает его оружие. Держа в руках оба меча, он крутит ими сложные, завораживающие пируэты. Его глаза сияют торжеством. Сцена завершается крупным планом его искренней, широкой улыбки.

— Снято! — гаркнул режиссёр в рупор. — Отлично! Дунсуй, поймал эмоцию, держи этот настрой. Только расслабься немного, не зажимайся. В конце добавим твой крупный план. Когда Чжоу Я дерётся с учениками, Пин Чжу больше не может оставаться безучастным, как в детстве. Сейчас ты — опора школы, на тебе ответственность. Твой взгляд должен стать слегка суровым, но держи образ — как бы ты ни тревожился, не показывай слабости.

— Я понял, режиссёр, — Дунсуй расплылся в улыбке от неожиданной похвалы.

В одно мгновение весь его надменный вид улетучился, и он превратился в счастливого ребёнка, готового прыгать от восторга. Но вспомнив указания режиссёра, он тут же попытался вернуть лицу серьёзное выражение и послушно погрузился в размышления.

Е Ван краем глаза наблюдал за ним. В его взгляде читалось невольное одобрение. Мальчишка оказался гораздо способнее, чем казалось на первый взгляд.

Помощник Е Вана, Пу Сяоин, улучил минуту, чтобы принести актёру воды. Заметив, что улыбка не сходит с лица Е Вана, он озадаченно покосился на погружённого в свои мысли Дунсюя.

«Что это с ним?»

Тем временем съёмки продолжались. Дунсуй сидел неподалёку со сценарием в руках. Е Ван работал без устали: его актёрская игра и дикция были настолько безупречны, что звук можно было записывать прямо с площадки без последующей переозвучки. Сейчас снимали тяжёлую сцену в грязном ледяном пруду. По сюжету Чжоу Я, вернувшись в школу, за пару дней умудрился нажить кучу врагов среди старейшин, и те сбросили его в воду.

В сцене участвовало много массовки, а из-за брызг операторам было трудно поймать нужный ракурс. Е Вана раз за разом на тросах опускали в холодную воду, но он ни разу не выказал недовольства.

Когда прозвучала команда завершить съёмку, Е Ван вышел на берег насквозь промокшим. Мокрая ткань облепила тело. Пу Сяоин тут же накинул на него тёплое одеяло и увёл в обогреваемую гримёрную.

Дунсуй проводил его взглядом. Бледное, измученное лицо Е Вана не шло у него из головы. Он сомневался, стоит ли пойти следом, но в итоге так и остался сидеть на месте. Его дневная норма была выполнена, но вечером предстояла большая общая сцена. Пользуясь перерывом, он решил подойти к режиссёру и расспросить его о паре сложных моментов в тексте.

В гримёрной Пу Сяоин осторожно выглядывал за дверь.

Переодевшийся в сухое Е Ван заметил его суету и тихо усмехнулся:

— Сяоин, ты что там высматриваешь?

— Да я точно видел, как ваш сосед шёл в эту сторону... Почему его всё ещё нет?

Е Ван замер с чашкой у губ. Он мягко улыбнулся:

— Ты так пристально за ним следишь?

Поставив чашку на стол, он принялся неторопливо постукивать пальцами по столешнице, погрузившись в думы.

Пу Сяоин тут же пошёл на попятную:

— Да ну вас, просто к слову пришлось.

«И куда только делась вся былая солидность нашего босса?»

Не успел помощник закончить мысль, как Е Ван набросил на плечи куртку и решительно направился к выходу.

— Эй, Е-гэ, вы куда? Отдохнули бы! Ваша следующая сцена только вечером! — запричитал Сяоин, пытаясь увязаться за ним.

Е Ван остановился и потёр переносицу:

— Не ходи за мной. Мне нужно уладить одно дело.

— Ладно...

Пу Сяоин проводил взглядом стремительно удаляющуюся фигуру своего босса и сокрушённо вздохнул.

У съёмочного павильона стоял роскошный минивэн Е Вана. Водитель, дядюшка У, мирно дремал внутри.

Е Ван направился напрямик на площадку и забрал Фан Дунсуя с собой.

Водитель мгновенно встрепнулся. Увидев, что его молодой хозяин ведёт за собой какого-то удивительно красивого юношу, он от удивления чуть не разинул рот.

Е Ван скользнул взглядом по напряжённому лицу Дунсуя, вздохнул и обратился к водителю:

— Дядюшка У, отдохните пока в гримёрной.

— Понял, — водитель поспешно вылез из машины, оставив просторный салон минивэна в полное распоряжение двоих мужчин.

Стоило водителю уйти, как Дунсуй почувствовал себя ещё более скованно. Внутренне он паниковал, до боли прикусив губу. Он не знал, что сказать. Всё это казалось нелепым: он мирно сидел со своим сценарием, как вдруг явился Е Ван и притащил его сюда. Станный взгляд ушедшего водителя Дунсуй прекрасно заметил.

«Каков подлец!»

Юноша не знал, что водитель удивился лишь потому, что Е Ван никогда раньше не приглашал коллег в свой личный автомобиль.

Е Ван спокойно открыл дверь салона и жестом пригласил Дунсуя войти:

— Садись.

Заметив, как упрямо тот надул щёки, он не выдержал и негромко рассмеялся.

Его смех, низкий и тягучий, мягко коснулся слуха Дунсуя. Тот застыл на месте. Стиснув зубы, он постарался сохранить спокойствие и сухо произнёс:

— Киноимператор Е, если вам есть что сказать, говорите прямо здесь.

Он даже сделал незаметный шаг назад.

Е Ван, словно вспомнив о чём-то, нахмурился и покачал головой, проигнорировав его протест. Он первым поднялся в салон, устроившись на заднем сиденье, а затем мягко поманил за собой растерянно замершего у двери Дунсуя. Голос его звучал всё так же тепло и ласково:

— Заходи.

<http://bllate.org/book/18316/1960839>